

Раннее утро.

Евнух Чжоу, чеканя шаг, вошел в Зал Внутренних Боевых Искусств и по привычке прочел несколько строк из свода упражнений.

Ли Пинъань первым вышел вперед и, почтительно сложив руки, спросил:

— Наставник, позвольте узнать, как следует понимать слова: «Хуэйинь, Юнцюань, Байхуэй, Тяньцин»?

Евнух Чжоу с отвращением дернул рукавом и рявкнул:

— Ты что, оглох? Проваливай на свое место и постигай все сам!

Ли Пинъань с обиженным видом, прихрамывая, вернулся на скамью.

Те самые евнухи, что еще утром усердно заискивали перед ним, теперь смотрели на него с разными чувствами: кто-то с насмешкой, кто-то с нескрываемым злорадством, а кто-то и с затаенной ненавистью.

Зря только несколько дней подлизывался, лишь время потратил!

Ли Пинъань уткнулся лицом в стол, его плечи мелко дрожали, словно он беззвучно рыдал.

С того самого дня он перебрался на место в углу и, помимо изучения грамоты, начал наблюдать за Сяо Жунцзы, копируя его манеры и стараясь как можно меньше привлекать к себе внимание.

Так продолжалось до тех пор, пока в Зал не пришел новичок. Парню было лет пятнадцать-шестнадцать, лицо широкое, плечи крепкие, сложен ладно.

Уже в первый день он приглянулся евноху Чжоу: тот не только лично учил его грамоте, но и без усталости разъяснял любые вопросы.

Не прошло и нескольких дней, как новичок стал названным сыном евноху Чжоу и получил право на личные наставления.

Сяо Жунцзы, глядя на то, как самодовольный Сяо Юнцзы семенит следом за евнохом Чжоу, прошептал:

— Сяо Аньцзы, ты наконец-то дождался своего часа.

Ли Пинъань указал на свое лицо: из-за постоянных побоев челюсть, хоть и срослась, но деформировалась, и лицо утратило прежние правильные черты.

— С такой рожей, как у меня, в люди не выбиться.

— На самом деле, попасть под крыло евноху Чжоу — не всегда плохо, — заметил Сяо Жунцзы.

— Я разузнал, что многие из его названных сыновей живы и даже получили неплохие должности.

— У меня желания скромные: хочу лишь в Управление Императорской Кухни, чтобы каждый день быть сытым...

Ли Пинъань, наконец, сбросил груз с души. Веки налились свинцом, навалилась дремота, и вскоре он, уткнувшись в стол, захрапел.

Громкий храп заставил нескольких евнухов покоситься в его сторону.

— Сяо Аньцзы выказывает неуважение к наставнику, еще и храпит на весь зал. Надо бы его проучить.

Эти молодчики раньше сами усердно лстили, а теперь, затаив злобу, решили воспользоваться предложением и, окружив его, двинулись вперед.

Сяо Жунцзы на мгновение заколебался, взглянул на мирно спящего Ли Пинъаня и тяжело вздохнул.

— Ну что за напасть, сердце у меня слишком доброе...

Он протянул ладонь — тонкую, белую, словно нефрит, — и слегка прижал ее к деревянному столу. На поверхности тут же остался четкий отпечаток.

— Проваливайте!

Евнухи побледнели от ужаса и, спотыкаясь, бросились врассыпную.

Сяо Юньцзы, сидевший за соседним столом, всегда отличался наблюдательностью. Сейчас он смотрел на Сяо Жунцзы с неприкрытым восхищением.

— Наконец-то я нашел настоящего мастера, надо будет как следует перед ним преклониться!

Вечер.

Осенний ветерок приятно охлаждал лицо.

Ли Пинъань с улыбкой вернулся в свою комнату. Сегодня он наконец избавился от навязчивого внимания евнуха Чжоу, да и евнух Сюй, обучая правилам поведения, стал куда мягче.

Видя, что многие не могут освоить походку, он переключился на обучение этикету и правилам обращения.

— Все-таки удача мне сопутствует. Сколько раз я был на волосок от смерти, а теперь и грамоту почти освоил. Еще десяток-другой дней — и можно будет пробовать тренироваться...

Он пребывал в радужном настроении, но едва переступил порог, как почувствовал приторный запах. Увидев Сяо Чжунцзы, распростертого на кровати, Ли Пинъань бросился к нему:

— Что случилось? Кто тебя так отделал?

— Кхе-кхе... — Сяо Чжунцзы тяжело закашлялся, голос его звучал как шелест сухих листьев. — Несколько дней назад открылась вакансия в Управлении Печатей. Я решил попытать счастья, но... мастерства не хватило.

Ли Пинъань распахнул его халат: на груди красовался пятицветный отпечаток ладони, от которого исходил странный аромат. От одного этого запаха кружилась голова.

— С твоими познаниями и боевыми навыками ты мог бы претендовать даже на место в Управлении Церемониалов! Должность в Управлении Печатей должна была достаться тебе без всякого труда!

Сяо Чжунцзы обладал выдающимся талантом: он больше двух лет практиковал Канон Лотоса, наполовину прошел двенадцать основных каналов и довел Ладонь Могучего Алмаза до совершенства. Среди молодых евнухов ему не было равных.

Еще десяток-другой лет усердных тренировок — и он вполне мог бы стать Мастером Сяньтянь.

— На письменном экзамене я был первым, мою работу хвалил сам Тиду Ван... — Сяо Чжунцзы говорил все тише. — Кто же знал, что на боевом испытании мне попадет старый евнух. Разница в уровнях была слишком велика, я ничего не смог противопоставить.

Ли Пинъань удивился:

— Если не мог победить, почему сразу не сдался? Зачем было доводить до таких ран?

Сяо Чжунцзы горько вздохнул: тот старик был невероятно силен и бил на поражение. Даже когда он закричал, что сдается, старик все равно нанес удар в грудь.

В итоге старика наказали за нарушение правил, а Сяо Чжунцзы остался при смерти, и вакансия перешла к третьему претенденту.

Ли Пинъань нахмурился, чувствуя неладное.

Во дворце было немало старых евнухов, которые годами практиковали Канон Лотоса, и их истинная сила была непостижима.

Такие, как евнух Чжоу или евнух Сюй — у них нет высоких должностей, но даже настоящие начальники при встрече с ними выказывают уважение.

Эти старики либо доживали свой век, либо были одержимы боевыми искусствами — они никогда не лезли в борьбу за чиновничьи места, тем более за такую мелкую должность в Управлении Печатей.

Видя, что Сяо Чжунцзы слабеет, Ли Пинъань отбросил сомнения и принялся его утешать:

— Держись, сейчас они вернутся и помогут тебе исцелиться.

Сяо Чжунцзы криво усмехнулся:

— Сяо Аньцзы, ты все еще такой наивный.

Ли Пинъань не понял, о чем он, но, поскольку сам не владел внутренней энергией, мог лишь укрывать его одеялом, вытирать пот и поить водой.

Сяо Чжунцзы смотрел на его суету — от нее не было никакой пользы для ран, но на душе стало теплее.

— Сяо Аньцзы, я родом из деревни Фуню, уезд Хэнъян. Если будет возможность, помоги мне

вернуться в родные края...

— Нам, увечным, путь в родовые склепы заказан. Просто вырой яму на холме неподалеку и похорони меня. И не забудь посадить сосну.

— Мое настоящее имя — Чэнь Фугуй. Взял имя Сяо Чжунцзы, чтобы показать свою преданность. На надгробии... не ошибись с именем.

— У меня дома остался младший брат. Тогда ему было пять лет... Интересно, помнит ли он меня, своего старшего брата...

Взгляд Сяо Чжунцзы начал мутнеть, голос прерывался.

Ли Пинъань сдерживал слезы и давал обещания — по деревенским обычаям, последнюю волю умирающего нельзя отвергать.

Если человек уйдет из жизни с обидой или неисполненным желанием, его душа превратится в злобного призрака.

До самой полуночи Сяо Фанцзы и его товарищ не вернулись.

Ли Пинъань видел, как Сяо Чжунцзы испустил последний вздох. Тело постепенно коченело, а глаза оставались широко открытыми — он так и не нашел покоя.

Скрипнула дверь.

В комнату вошли Сяо Фанцзы и Сяо Юаньцзы.

В глазах Сяо Фанцзы мелькнула скорбь:

— Завтра сообщим в Управление надзора за евнухами, отправим его на кладбище для евнухов. Я дам денег, чтобы ему выделили отдельное место, а потом, когда-нибудь, перевезем его в Хэньян.

Ли Пинъань, услышав это, с ненавистью спросил:

— Почему?

Сяо Фанцзы слышал последние слова Сяо Чжунцзы, а значит, давно стоял за дверью и не желал войти, чтобы спасти человека.

Сяо Юаньцзы, метнувшись вперед, отвесил ему звонкую пощечину.

— Кто ты такой, чтобы указывать нам, что делать?

Ли Пинъань прикрыл лицо рукой, но продолжал смотреть на них с вызовом.

Сяо Юаньцзы хотел ударить снова, но Сяо Фанцзы его остановил.

— Я предупреждал Сяо Чжунцзы. Вакансия в Управлении Печатей была определена заранее. Он не послушал, полез на рожон, нажил врагов — кого он теперь винит?